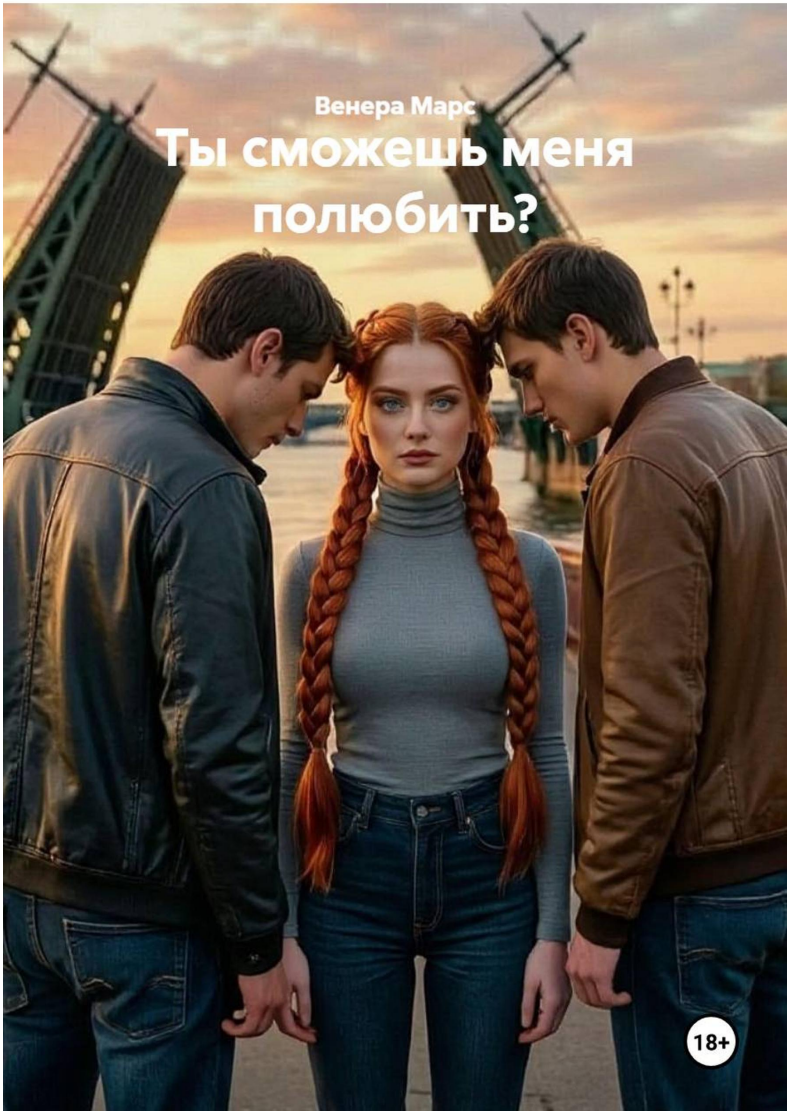

Венера Марс
Ты сможешь меня полюбить?
18+

Венера Марс

Ты сможешь меня полюбить?

https://litres.ru/74739989
SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы не чувствовать боль, она вскрывает других.

Василиса заперла свое прошлое — детдом, боль,предательство,— на семь замков. Она стала патологоанатомом. С мертвецами проще: они не предают,они не трогают. Был лучший друг Костя,который не смо выдержать её холода и просто уехал,оставив её одну,как и все люди в её жизни.

Появлятся следователь Романов,сможет ли он найти дорогу к разбитому сердцу или тоже сдасться?

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Венера Марс
Ты сможешь меня полюбить?

Глава 1

2006 год.

Коридор звенел от голосов, шагов, хлопанья дверей. Где-то кричали, смеялись, кто-то спорил на повышенных тонах. Василиса стояла у окна, прижимая к груди учебники, и старалась стать незаметной — привычка, въевшаяся в кожу ещё в детском доме: не привлекать внимания, не мешать, не быть причиной шума.Из толпы вынырнула Лида — в вязаной кофте с оленями, с растрёпанной косой, глаза горят озорством. Она схватила Василису за рукав, но тут же, спохватившись, отпустила — знала, что прикосновения Василисе даются тяжело. Вместо этого она сунула ей в руку сложенный вчетверо листок и прошептала, почти крича сквозь гул коридора:

— Держи! Только не читай тут, ладно? А то Светка увидит и поднимет на смех весь этаж.Василиса сжала записку в пальцах. Бумага была тёплой, будто Лида грела её в ладони, пока бежала.

— Что там? — прошептала Василиса, наклоняясь ближе, но не приближаясь — держала дистанцию.Лида закатила глаза, но в них плясали весёлые искры:

— Это не от меня. Это тебе. От Кости из параллельного. Он мне на перемене сунул и чуть не сгорел со стыда. Сказал: «Передай, только чтобы никто не видел». Ну я и… вот.

Мимо пронёсся кто-то с криком «Опоздаю!», хлопнула дверь кабинета. Лида вздрогнула, схватила Василису за локоть — и тут же отпустила, будто обожглась.

— Мне на биологию, я уже на грани исключения за опоздания. Прочитай потом, ладно? Она подмигнула и исчезла в толпе.

Василиса осталась стоять у окна. За стеклом небо было серым, низким, будто хотело лечь прямо на крыши. Она осторожно развернула записку.На листке неровным, будто торопливым почерком было выведено:

«Привет, я Костя. Ты мне нравишься. Можно я провожу тебя домой после уроков? Жду тебя возле ворот школы».

Внизу, будто спохватившись, он приписал ещё одну строчку — уже чуть аккуратнее:

«Отказ разобьет моё юношеское сердце».

Василиса провела пальцем по буквам, не касаясь чернил, будто проверяя, настоящие ли они. В груди чтото ёкнуло — не страх, не паника, а чтото другое, незнакомое: крошечный, осторожный интерес.Она не пошла к воротам. Не потому что испугалась, а потому что не знала, как подойти к парню. Как

будто он уже дал ей право сказать «нет» — и это было так непривычно, что сбивало с толку.

А Костя всё равно нашёл её. Не у ворот, а в её любимой библиотеке, где она пряталась от чужих взглядов. Он подошёл, не приближаясь вплотную, остановился шагах в двух, засунув руки в карманы, и сказал, глядя кудато в сторону, чтобы не напугать:

— Ты не пришла. Я подумал, может, записку не получила. Или получила и… нарочно разбила моё серде-театрально прижал руку к сердцу и чуть не упал.Василиса подняла на него глаза.

У него были зелёные глаза, каштановые кудри, которые никак не хотели лежать ровно.

— Получила, — коротко сказала Василиса.Костя кивнул, будто это был самый важный ответ в мире.

— Ладно. Если не хочешь, чтобы я тебя провожал — всё нормально. Но если вдруг… ну, знаешь, если будет день, когда тебе просто нужно, чтобы ктото шёл рядом и не задавал вопросов — я могу.

Он замолчал, потом добавил, чуть тише:— Или могу вообще не идти. Что тебе больше нравится.Василиса смотрела на него и вдруг почувствовала, как внутри чтото чуть-чуть оттаивает. Не до конца, не навсегда — но на сегодня хватит.

— Можешь просто идти рядом, — сказала она. — Но не близко.Костя снова кивнул, будто принял самый серьёзный в жизни приказ

.— Понял. На расстоянии. Как спутник на орбите.И он действительно шёл рядом, но не вплотную.

2020год

Восьмилетняя Васька лежала, вжавшись в самый край узкой панцирной кровати. Железная сетка впивалась в бок даже через ватное одеяло. За стеной слышно было, как на кухне звенят бутылки.

Дверь скрипнула.

Василиса перестала дышать.

Скрипнули половицы. Старые, рассохшиеся, они всегда выдавали его.

«Спи, доченька, спи, моя хорошая», — голос был ласковым, почти певучим. Тем самым голосом, которым он просил добавки за ужином.

Василиса зажмурилась до цветных пятен под веками. Она превратилась в камень. Если не дышать, если стать совсем холодной, он, может быть, пройдет мимо.

— Тише, тише, — его тяжелое тело продавило старый матрас. Пружины впились в бок. — Папочка просто полежит рядом.

Его рука легла на её плечо. Тяжелая, горячая, пахнущая рыбой и водкой.

— Тише, моя маленькая дочурка...

Его ладонь поползла вниз, по её детской пижаме.

— Спи, моя хорошая...

Василиса открыла рот, чтобы закричать, но из горла вы-

рвался только сип. Руки онемели. Она не могла пошевелиться.

Его губы — мокрые, пахнущие табаком — прижались к её шее.

— Сладких снов, доченька...

Он навалился на неё всем весом, вдавливая в проваленную сетку кровати. Воздух закончился.

— НЕЕЕТ!! — закричала Василиса, вырываясь из сна.

Она подскочила на диване, хватая ртом воздух. Сердце билось где-то в горле, пытаясь проломить ребра.

Тишина.

Только гул холодильника на кухне и шум дождя за окном.

Василиса села, тяжело дыша. Сердце медленно успокаивалось.

Она огляделась.

Это была не детская. Не детдом.

Её однушка.

Она провела ладонями по лицу. Руки дрожали. На ней была серая плюшевая пижама полностью мокрая от пота.

Василиса встала. Ноги всё ещё дрожали — отходняк после адреналина. Она прошла на кухню, включила свет. Яркий, свет.

Она подошла к раковине, открыла воду. Плеснула в лицо. Ледяная.

Она достала из шкафчика початую бутылку виски. Не в рюмку. Прямо из горла. Обжигающий ком прокатился по пи-

щеводу, выжигая фантомный запах перегара изо рта.

— Соберись, — приказала она своему отражению в темном окне. — Ты дома. Ты в безопасности.

Она вернулась в комнату. Взгляд упал на диван. На бирюзовое одеяло, сшитое из кусков старого свитера — единственная вещь в доме, которая была по-настоящему мягкой.

Василиса рухнула обратно на подушки. До будильника оставалось четыре часа.

Сон больше не придет.

Она знала этот сценарий. Подошла к книжному шкафу и взяла любимую книгу "Буря столетия" С.Кинга. до утра она утонет в ней.А там снова работа,вскрытие мертвых тел.

По крайней мере, мертвые не подкрадываются во сне.

Утром, с восходом солнца, тьма неохотно отступала, будто цеплялась за углы комнаты, пряталась в тенях, шептала: «Мы всё ещё здесь. День закончится — и мы встретимся». Эти отголоски ночных кошмаров таяли под тёплым светом, но оставляли после себя лёгкую дрожь, которую Василиса старалась не замечать.

Она, как всегда, начала день с горячего душа — струи воды смывали остатки тревожных снов, возвращая ощущение реальности. На кухне пахло свежемолотым кофе: крепкий, чуть горьковатый аромат заполнял квартиру, прогоняя тишину.

Василиса приготовила сытный завтрак — омлет с тягучим сыром и сочными помидорами, а в завершение добавила к

тарелке пирожное с белковым кремом: маленький каприз, который делал утро чуть светлее. Осень за окном напоминала о себе сыростью и холодом, а прогноз сулил гололёд после вчерашнего дождя — рабочая неделя обещала быть бурной, и лучше было подкрепиться заранее.

Тишину нарушил резкий звонок в дверь, а следом — знакомый голос, слегка заплетающийся, но всё такой же настойчивый:

— Лиса-а-а! Если не хочешь, чтобы я написал на дверь, — лучше открой! — прокричал пьяный Костя.

Очередная вечеринка, очередные друзья, очередные «ноги, которые сами принесли» его к её дому.Василиса вздохнула, на цыпочках подкралась к двери и осторожно заглянула в глазок. Костя стоял, прислонившись к косяку, в расстёгнутой куртке, с растрёпанными волосами и виноватой улыбкой, которая всегда обезоруживала её сильнее любых извинений. Помедлив пару секунд, она щёлкнула замками — один, второй, третий — и распахнула дверь.Костя тут же ввалился в проход, едва не потеряв равновесие, и тут же попытался изобразить галантный поклон, который вышел скорее комичным, чем изящным

.— Ну вот, видишь, не пришлось писать, — пробормотал он, криво улыбаясь и поправляя куртку.Василиса скрестила руки на груди, стараясь выглядеть строгой, но в глазах мелькнула усталость пополам с привычным беспокойством:

— Костя, сколько раз я говорила: если ты пьян,сиди дома.

Или хотя бы предупреждай.Он только махнул рукой, будто отмахивался от упрёков, и тут же потянулся к аромату кофе, который витал в воздухе.

— Да ладно тебе, Лиса. Я же живой, целый, просто… немного перегруженный вечером. А у тебя тут тепло, пахнет едой… Можно я просто посижу пять минут? Пока мир перестанет кружиться?

Она помолчала, глядя на него, потом покачала головой — не то сердясь, не то сдаваясь.

— Пять минут, — строго сказала она, но уже шагнула на кухню, чтобы налить ему чашку чёрного кофе без сахара — так, как он любил.Василиса скрестила руки, прищурилась, будто раскладывала по полочкам каждую деталь его помятого вида — растрёпанные волосы, покрасневшие глаза, неловкая попытка держаться прямо.

— Ну, кто на этот раз? Кого бросил: ты её или она тебя? — спросила она без особой надежды на честный ответ, но с той самой интонацией, от которой Костя всегда немного съёживался.Он вышел из туалета, пригладил волосы, попытался придать лицу беззаботное выражение — вышло кривовато.

— А ты случайно не Шерлоковна, Василиса Шерлоковна? Ха, звучит смешно, — хмыкнул он, стараясь перевести всё в шутку.Василиса только фыркнула, качнув головой:

— Не надо быть ни Шерлоком, ни Вангой, чтобы понять: ты пьёшь не от прекрасного настроения и не ради весёлого утра. Тебя бросили, и твоё эго утопило себя в бокале «Джека

Дэниэлса».Костя замер на секунду, потом криво усмехнулся, будто признавая поражение:

— Вы, как всегда, проницательны, Агата Кристи. Ладно, ладно, не смотри на меня так, будто собираешься составить протокол.За окном осень цеплялась за город: серые тучи нависали низко, ветер швырял по асфальту опавшие листья, а лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя, уже подернулись тонкой коркой льда.

В квартире было тепло, но эта теплота казалась хрупкой — будто могла растаять от любого резкого слова.Василиса глянула на часы и привычно щёлкнула ремешком — этот жест давно стал для неё сигналом: время вышло, пора ставить точку. На запястье, рядом с часами, поблескивал тонкий браслет с шармами — каждый из них хранил свой тихий смысл, свою маленькую историю. Костя краем глаза заметил это движение и едва заметно улыбнулся. «Значит, я всё-таки всегда с ней, — пронеслось у него в голове. — Не физически, не рядом каждую минуту, но где-то в её ритме, в этих привычных жестах, в деталях, которые она бережёт. И этого достаточно».

— Ладно, ложись спать. Проснёшься — найдёшь что поесть. Я побежала на работу: мои жмурики сами себя не вскроют.Костя тяжело опустился на край дивана, оперся локтями о колени и вдруг тихо, без насмешки, сказал:

— Твоим жмурикам повезло больше, чем мне. Им достаётся всё твоё внимание, а не твоему лучшему другу.Васили-

са на мгновение замерла у двери, пальцы крепче сжали ремешок сумки. Она хотела сказать что-то резкое, привычное, но вместо этого выдохнула, смягчив голос:

— Мой лучший друг, как всегда, пьян и сейчас будет храпеть на диване. А я не собираюсь весь день держать твои шикарные кудри над тазиком. Всё, я ушла. Ариведерчи.

Она выскользнула за дверь, тихо прикрыв её за собой.В подъезде пахло старой краской и мокрым пальто, а шаги её застучали по лестнице быстро и ровно — будто она убегала не только от времени, но и от желания обернуться.

А Костя, оставшись один, уронил голову на ладони, потом всё-таки растянулся на диване и натянул на себя бирюзовый вязаный плед — тот самый, что Василиса связала,чтобы он иногда укрывался им,когда остаётся ночевать.. Он ещё хранил её запах: лёгкий аромат кофе и едва уловимую нотку цитрусового шампуня. Костя на секунду замер, вдыхая этот запах, будто в нём пряталось что-то надёжное, привычное, не рушившееся от пьяных ошибок и неловких слов. Потом он прикрыл глаза, подтянул плед чуть выше и почти сразу провалился в тяжёлую, вязкую дремоту, где не было ни вечеринок, ни брошенных фраз, ни чувства, что он опять всё испортил.За окном дождь начал накрапывать снова — мелкими, упрямыми каплями, будто осень не собиралась сдаваться ни на минуту.

Василиса вышла из подъезда и на секунду замерла, подставив лицо холодному ветру. Осень цеплялась за город: с

клёнов срывались рыжие листья, кружились в воздухе и ложились на асфальт пёстрым ковром. Воздух был сырой, пах дождём и мокрой листвой — такой запах всегда делал город чуть тише, будто город сам замедлялся, готовясь к зиме.Рядом у бордюра стояла её белая «Ока» — маленькая, скромная. Среди громоздких кроссоверов она выглядела почти трогательно, и именно это Василисе нравилосью. Она провела ладонью по капоту, будто проверяя, что всё на месте, и тихо пробормотала:

— Ну, Белочка моя, поехали.

Ей не хотелось нырять в метро, толкаться в переходах, чувствовать чужие плечи и локти, слышать обрывки чужих разговоров. В своей машине можно было выдохнуть, закрыть дверь и на несколько минут отгородиться от всего мира.

Щёлкнул замок, скрипнула дверца, и Василиса скользнула на сиденье, привычно подтянув ремень.Запах внутри был родным: лёгкий аромат апельсина от ароматизатора, чуть уловимый запах старой ткани и чего-то своего, домашнего. Она задержала дыхание на секунду, будто пытаясь удержать этот миг спокойствия, а потом завела мотор. Двигатель зачихал, пробуждаясь, и ровно заурчал.Пока машина прогревалась, Василиса смотрела, как ветер гонит по асфальту ворох листьев, и память вдруг рванула назад — не в эту промозглую осень, а в ту весну, когда всё казалось проще.

Парк тогда пахнул сиренью и молодой травой, воздух был

тёплый, будто сам город улыбался. Костя устроил сюрприз: расстелил плед на ещё влажной от росы траве, достал корзину, в которой лежали фрукты, сыр и сладости в шуршащей упаковке.Она улыбнулась, вспоминая, как он тогда гордо объявил:

— Лиса, ты кем хочешь стать, когда вырастешь?Василиса закатила глаза, но в груди ёкнуло от предвкушения разговора — они так редко говорили всерьёз.

— Клоуном. Ты будешь на мои представления приходить со скидкой.Костя фыркнул, но тут же попытался сделать серьёзное лицо:

— Да ну тебя. Я тут серьёзные темы обсуждаю, а ты смеёшься.

— Ладно, ладно… Всегда мечтала стать врачом. Но там люди, они всё время трогают, разговаривают, смотрят… А я не люблю, когда смотрят. Так что, наверное, буду патологоанатомом. Мертвецы не трогают.— Фу-у-у… Как трагично.

— Жизнь — это трагедия. Удиви меня. Ты кем хочешь стать? Стриптизёром?

Он расхохотался, запрокинув голову, а потом махнул рукой:

— Угадала, в точку. Нет, серьёзно… Всегда мечтал стать путешественником. Колесить по свету, видеть всё: горы, океаны, города, где никто не знает, кто я такой. Но… не суждено. Папка меня прибьёт. Я же из династия юристов. Меня с пелёнок к этому готовили.

Василиса тогда задумчиво покрутила травинку между пальцами и пожала плечами:

— Ты можешь это совместить. Быть юристом и путешествовать. Когда есть деньги, возможно всё. Тебе ли не знать?

Костя только вздохнул, глядя куда-то вдаль, туда, где парк переходил в городские улицы, а улицы — в бесконечную дорогу.

Сейчас, в осенней сырости, этот разговор казался ей почти нереальным — как кадр из старого фильма, тёплый и далёкий. Василиса тряхнула головой, возвращаясь в настоящее. За окном гудел город, машины нетерпеливо сигналили, но внутри её маленькой «Белочки» было тихо. Она крепче сжала руль, будто цепляясь за ту весну, за тот разговор, за ощущение, что впереди ещё столько дорог — даже если сейчас они казались закрытыми. И тихо, почти шёпотом, сказала:

— Поехали, Белочка.

Дорога до морга была недолгой,если не стоять в пробке.Большие,грозные машины давили ближе к проезжей части, мокрые тротуары, по которым ветер гнал лужи, и редкие фонари, уже зажжённые в середине дня — осень забирала свет слишком рано. Василиса вела «Белочку» привычно, почти на автомате: поворот у старого книжного, где на витрине всё ещё висели афиши прошлогодних лекций, потом вдоль чугунной ограды сквера, где скамейки уже убрали на зиму.

Её однокомнатная квартира стояла в тихом квартале неда-

леко от центра — не в парадной части города, а в той, что дышит старыми дворами и запахом свежего хлеба из булочной на углу. Из окна открывался вид на двор-колодец, обрамлённый жёлтым кирпичом, и кусочек неба, который по утрам казался особенно высоким, а вечерами быстро темнел. Район был удобный: до морга — двадцать минут неспешной езды, если не вставать в пробку у моста.Сегодня пробок почти не было, только редкие машины щёлкали поворотниками и шуршали шинами по мокрому асфальту. Василиса смотрела на город сквозь стекло, и он казался ей одновременно чужим и родным — как старый знакомый, с которым не хочется разговаривать, но без которого становится слишком тихо.У здания морга она припарковалась у невысокого забора, привычно проверила, плотно ли закрыта машина, и накинула пальто поплотнее. Здание было неброским, почти незаметным среди соседних домов: строгий фасад, тяжёлые двери, ни лишних вывесок, ни ярких деталей. Здесь не ждали гостей, и Василисе это нравилось.Внутри пахло спиртом, холодом и чем-то ещё — спокойствием, которое приходит туда, где эмоции уже не кричат, а замирают.

Дежурный,всегда потеющий,толстый парень кивнул ей изза стойки:

— Василиса Андреевна, добрый день. Вас уже ждут: привезли с утреннего ДТП, нужно описание и предварительный осмотр.

Она переоделась,машинально скрутила тугую косу и при-

колола шпильками, пока в голове ещё крутились обрывки весеннего разговора с Костей,но здесь, в этом месте, они быстро уступали место чёткой последовательности действий: шаг, взгляд, запись, вывод.Проходя по коридору, она остановилась у окна в торце — маленького, почти игрушечного, с облупившейся краской на раме. Отсюда был виден тот самый сквер, куда они с Костей бегали после уроков, когда учились в школе. Сейчас там не было ни пледа, ни корзины с сыром, ни смеха — только голые ветки и лужи, отражающие серое небо.Василиса на секунду задержала дыхание, а потом тихо сказала себе, как будто отгоняя воспоминание:

— Работа. Сначала работа.

И пошла дальше, в зал, где её уже ждал следующий шаг этого длинного, холодного дня.Полдня прошло в ровном, почти беззвучном ритме морга — в том особенном ритме, где время будто течёт иначе: медленнее, гуще, без суеты. Василиса делала записи, сверяла данные, отмечала детали, которые никто другой не заметит. Каждый жест был точным, каждый взгляд — сосредоточенным. Здесь не нужно было ни улыбаться, ни подбирать слова, ни притворяться, что всё в порядке. Здесь хватало просто быть.Когда она наконец сняла перчатки и на секунду прикрыла глаза, в кармане халата тихо вибрировал телефон. Василиса достала его, не ожидая ничего важного, — и на экране высветилось сообщение от Кости.

«Я проснулся. Немного обслюнявил твою подушку.В ка-

честве извинений я готовлю тебе ужин. Отказы не принимаются. И не делай лицо, будто ты сейчас закатишь глаза — я даже через экран это вижу »

Она невольно улыбнулась — так, как улыбаются, когда внутри вдруг становится чуть теплее, несмотря на холод вокруг. Пальцы замерли над экраном, и на секунду ей захотелось ответить сухо: «Не надо», «Я устала», «У меня ещё дела». Но вместо этого она напечатала:

— Ладно. Только без экспериментов. Если опять будешь пытаться сделать «что-то французское» из пельменей — я тебя прибью.

И, отправив, тут же почувствовала, как тяжесть дня чуть-чуть сползает с плеч.В коридоре скрипнула дверь, мимо прошёл лаборант с папкой, бросил:

— Василиса Андреевна, всё готово по утреннему случаю. Если сейчас подпишете, можно закрывать карточку.

Она кивнула, привычно вернулась к столу, быстро пробежала глазами строки, поставила подпись. И вдруг поймала себя на том, что мысленно уже не здесь. Не в этих стенах, не среди бумаг и отчётов, а там, где пахнет жареным луком и чем-то домашним, где Костя что-то бормочет себе под нос, помешивая в кастрюле, и время течёт совсем по-другому — медленно, но не тяжело, а уютно.

Василиса поднялась на свой этаж, привычно отсчитав двадцать семь ступеней, и вставила ключ в замок. Открыв тяжелую дверь, она уловила запах — свежие ромашки, чуть слад-

коватые, полевые, не из дорогой лавки, а будто собранные наспех где-то за городом или даже у обочины. Букет стоял прямо у вешалки, в простой стеклянной банке вместо вазы, и от этого становилось как-то спокойнее:

Костя умел делать виноватое извинение почти праздником.Она вошла, аккуратно прикрыла дверь, сняла перчатки, положила их в карман пальто — всё по порядку, всё на свои места. Пальто повесила на крючок ровно, расправив воротник, чтобы не помялось: Василиса любила, когда вещи лежат там, где им положено, когда в прихожей нет ни лишней тени беспорядка. Квартира была устроена просто, но удобно: отдельная прихожая, дальше — большая комната, служившая и спальней, и местом, где можно просто посидеть у окна с чашкой чая, а кухня — отдельно, за лёгкой аркой, с тёплым светом над столом. Такой планировкой отличались старые дома в спокойных питерских кварталах недалеко от центра — тихие дворы, кирпичные фасады, высокие потолки; в таком районе и правда можно было жить, не теряя себя в городской суете, и до морга отсюда было рукой подать.

— Ты тут? — тихо спросила она, хотя и так знала ответ.Из кухни выглянули каштановые кудри, Костя, уже без прежней суеты, будто сам себе велел не мельтешить.

— Тут. Прости меня, ты же знаешь, какой я бываю… — он кивнул на букет. — И да, пельмени я всё-таки спалил. Но, слава богам, есть доставка из ресторана. Так что у нас сегодня «изысканная кухня по-костински».

Василиса улыбнулась краем губ, взяла ромашки, вдохнула их запах — простой, живой, без пафоса.

— Ладно. Хоть что-то в этом дне будет нормальным, — сказала она и, не задерживаясь, пошла в ванную.Там она сняла одежду аккуратно, по одной вещи, сложив на полку: блузку, брюки, тонкий свитер. Потом подняла руки к голове и расплела косы. Пряди рассыпались огненными волнами, легли на плечи и спину, будто сбросив с неё ещё один слой дня. Василиса провела пальцами по волосам, распутывая лёгкие узлы, и на секунду замерла, чувствуя, как уходит напряжение.Только после этого она встала под горячий душ. Вода лилась тёплой, почти обжигающей, смывая с кожи холод улиц, запах больницы, чужие истории, которые она сегодня разбирала. Гель пах хвоей и лесом — так, будто за стеной не серый Питер, а сосновый бор, где воздух звенит от тишины. Она закрыла глаза и стояла так, пока вода не стала казаться не спасением, а просто частью обычного вечера.Когда Василиса вышла, волосы были туго укутаны в полотенце, а на теле — тёплый махровый халат, мягкий, как объятие. В большой комнате было тихо, только из кухни доносился шорох — Костя что-то доставал, ставил, шуршал пакетами. Он вышел из кухни, остановился на пороге и замер, увидев её: раскрасневшуюся от горячей воды, с каплями, сбежавшими по шее, с глазами, в которых осенний вечер будто растворился, оставив только глубокий, почти синий цвет.На секунду Костя забыл, что хотел сказать. В голове мелькнуло: «Я никогда

не видел её такой красивой». И следом — стыд за то, что пялится, будто подглядывает за чем-то личным.Василиса прищурилась, будто прочитала его мысли.

— Хватит пялиться, ты дыру во мне сделаешь, — фыркнула она, но без злости, скорее чтобы вернуть всё на свои рельсы, где они снова просто Костя и Лиса, а не кто-то, кто смотрит слишком внимательно.

— И уйди на кухню, я буду переодеваться. Не хватало ещё, чтобы ты, как извращенец, за мной подглядывал, — добавила она уже строже, но в голосе слышалась усмешка.Костя вздрогнул, будто его окатили холодной водой, и поспешно отступил.

— Да-да, я на кухне. Я вообще ничего не видел. То есть… видел, но не специально.

Он скрылся за аркой, а Василиса, усмехнувшись, пошла в комнату. Там она сняла полотенце, провела расчёской по влажным волосам и заплела одну косу — не тугую, а свободную, чтобы пряди лежали волнами. Надела тёплую вязаную кофту, натянула плюшевые тапочки, в которых сразу становилось так, будто весь остальной мир отодвинулся подальше.Когда она пришла на кухню, стол уже был накрыт: контейнеры с едой, салфетки, две кружки, от которых поднимался пар. Костя сидел, опустив плечи, будто пытался стать меньше, и смотрел на тарелку, как на врага.

— Ну, — сказала Василиса, усаживаясь напротив. — Рассказывай. Как пельмени восстали против повара?

Костя поднял глаза, выдохнул и наконец-то улыбнулся.

— Это была настоящая драма. Один пельмень вообще выпрыгнул из сковороды. Я думаю, он был лидером восстания.

И пока он говорил, смешивая правду с преувеличениями, Василиса слушала, и день, который казался таким тяжёлым, постепенно оседал где-то за пределами этой маленькой кухни, оставляя после себя только тепло, запах мяты и тихий смех.

Они доели, и в кухне повисла тишина — не уютная, а такая, которая наступает, когда шутки кончились, а до серьёзных тем никто не хочет дотягиваться. Костя потянулся было убрать контейнеры, но Василиса тут же перехватила их.

— Я сама, — сказала она чуть резче, чем хотела, и тут же смягчила голос:

— Ты и так сегодня… много. Просто посиди.

Костя замер с поднятой рукой, потом кивнул и сел обратно, будто ему дали чёткое указание, где его место. Он смотрел, как Василиса моет одну тарелку, ставит её ровно на сушилку, берёт вторую, вытирает край полотенцем — каждое движение у неё было доведено до автоматизма, будто если она сделает хоть на миллиметр не так, весь вечер рассыплется.

— Лиса, — тихо позвал Костя, когда она уже взялась за губку в третий раз, хотя чашка была чистой.

— Хватит. Она уже не станет чище.Василиса будто вынырнула из воды. Она посмотрела на свою руку, на губку,

потом на Костю, и впервые за вечер в её глазах мелькнуло что-то похожее на стыд.

— Прости, — выдохнула она. — Это… привычка.

— Знаю, — спокойно сказал Костя. — Но иногда можно просто оставить чашку в раковине до утра. Мир не рухнет.

Она хотела возразить, но не стала. Вместо этого она просто положила губку, вытерла руки о полотенце и села напротив него.

— Ладно. На пять минут, — сказала она, глядя не на него, а на стол.

— Просто посидим. Без уборки.И они посидели. Пять минут тишины, в которой слышно было только, как остывает чайник. А потом Василиса встала, потому что пять минут были её лимитом.

— Мне надо кое-что разобрать, — кивнула она в сторону комнаты, имея в виду папки с делами, а не то, что ей нужно побыть одной.Костя понял. Он не стал спорить, не стал уговаривать. Он просто накинул куртку, поправил шарф и остановился у двери.

— Ты позвонишь, если… ну, если вдруг не сможешь просто сидеть и смотреть на остывший чайник? — спросил он, не поднимая глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.